

«ВЫСШЕЕ В МИРЕ ИСКУССТВО»

В ИСТОРИИ русской литературы не найти, пожалуй, писателя, на жизнь и творчество которого музыка оказала бы столь же заметное влияние, как на Льва Николаевича Толстого.

Музыка в его произведениях нередко становится важнейшей составной частью художественного образа, движет сюжет, влияет на поступки и судьбы героев. И если о творчестве Толстого говорят, что оно во многом автобиографично, то это, может быть, в первую очередь справедливо по отношению к «Музыкальным историям», рассказанным писателем.

Уже в первом крупном сочинении, повести «Детство», написанной в 1852 году 24-летним «файерверкером IV класса» Львом Толстым, есть страницы, посвященные музыке. Они свидетельствуют о способности автора анализировать музыкальные произведения и «читать» свои чувства, внушенные ими. Вот он рассказывает о впечатлении, которое производит на Николеньку исполнение его матерью Патетической сонаты Бетховена, вещи уже хорошо знакомой герою повести, но по-прежнему волнующей; и он находит слова, убедительно показывающие, что именно волнует Николеньку в этом сочинении. В лирических отступлениях писатель немало думает о музыке. Он считает, например, что она есть «воспоминание о чувствах», и подробно раскрывает свой тезис.

Насколько это автобиографично? Звучал ли Бетховен в детстве самого Толстого? Да, и немало, о чем свидетельствуют его биографы. Занимался ли Лев Николаевич достаточно серьезно музыкой в юности, чтобы не оказались неожиданными столь сильные строки в его первой повести? Да, занимался, и довольно основательно, еще не думая, быть может, стать писателем, но определенно мечтая «достичь средней степени совершенства в музыке». Он уже пережил «счастье артиста», хотя в очень несовершенно виде, но испытал его в деревне, в 1850 году. В том же году он пишет статью «Основные начала музыки и правила к изучению оной». Он задает себе в дневнике вопросы, которые будет решать в будущем и выносить на суд читателей в своих книгах начиная с «Детства»: «Отчего музыку древние называли подражательной?.. Отчего музыка действует на нас, как воспоминание? Отчего, смотря по возрасту и воспитанию, вкусы к музыке различны? — Почему живопись есть подражание природе, очень ясно (хотя оно не полно); но почему музыка есть подражание нашим чувствам, и какое сродство каждой перемены звука с каким-нибудь чувством?»

С 1852 по 1856 год Толстой служит в армии, участвует в обороне Севастополя. В его повестях и рассказах этого времени часто звучат народные песни — солдатские, казацкие, цыганские.

Немало их упоминается в повести «Казак», начатой в 1853 году в станице Старогладковской. Часть этих песен пел ему старый казак Елишка, которого он вывел в повести под именем Ерошки. Кстати, рассказывая о герое произведения Оле-

ЛЕВ ТОЛСТОЙ И МУЗЫКА

гине, наделенном биографическими приметами самого Толстого, писатель как бы вскользь упоминает, что Оленин начинал заниматься музыкой, «которой одно время думал посвятить себя».

В эти же годы Толстой в Севастополе одну за другой сочиняет две солдатские песни. Одна из них — о неудачном сражении на Черной речке — «Как четвертого числа нас нелегкая несла» (август 1855 г.); вторая — «Как восьмого сентября...»; обе на мотив народной песни «Я цыганка молодая». И, завершая военную службу, он пишет рассказ «Два гусара», где дает великолепное описание исполнения цыганской песни.

Если все годы пребывания в армии Толстой, находясь в близком общении с солдатами, то есть с народом, одетым в солдатские шинели, был особенно близок к народной песне, то в последующие годы происходит мощная вспышка его интереса к профессиональной музыке. В Петербурге он присутствует на премьере оперы «Русалка» А. С. Даргомыжского и сидит в одной ложе с автором музыки. Из Ясной Поляны просит сестру, чтобы она прислала ему ноты оперы Моцарта «Дон Жуан», а также что-нибудь из бетховенских произведений (трио Бетховена он называет «восхитительным» и «прекраснейшим в мире»). Он слушает в это время симфонические произведения Гайдна и Мендельсона, оперы Вебера, Мейербергера, Россини, Моцарта. Не все ему нравится, но Лев Николаевич сразу выделяет симфонию Гайдна и «Дон Жуана» Моцарта.

Уехав на полгода за рубеж, Толстой буквально упивается музыкой. Он пишет из Парижа: «Французы играют Бетховена, к моему великому удивлению, как боги, и вы можете себе представить, как я наслаждаюсь...». С большой симпатией он осматривается в лица музыкантов, интересуется судьбами этих людей. Он видит их и на вершине успеха, и забытых всеми, талантливых и несчастных. Последним он искренне сочувствует. И берет за перо. Наступает своеобразный музыкальный период в его литературном творчестве.

Толстой пишет рассказ «Люцерн». Темой послужил случай, свидетелем которого был писатель. «Седьмого июля 1857 года в Люцерне перед отелем Швейцарского, в котором останавливаются самые богатые люди, странствующий нищий певец в продолжение получаса пел песни и играл на гитаре. Около ста человек слушало его. Певец три раза просил всех дать ему что-нибудь. Ни один человек не дал ему ничего, и многие смеялись над ним». На виду «расфранченной публики», желая отплатить ей, Толстой пригласил исполнителя в ресторан и угостил его ужином с шампанским. Это все вошло в рассказ вместе с описанием удивительного воздействия на писателя песен певца.

Потом Толстой создает рассказ «Альберт». Еще до поездки за границу он познакомился со скрипачом петербургских театров Георгом Кизеветтером, который рассказывал ему о своей жизни. Запись в дневнике: «История Кизеветтера подмывает меня». Это печальный рассказ о больном, погибающем в нищете талантливейшем музыканте. Одна из ярких страниц рассказа — описание игры Альберта на скрипке и воздействие музыки на слушателей. Начиная с «Детства», это «воздействие на слушателей» становится почти постоянным условием всякого описания Толстым музыки, одной из дорогих для него тем размышлений. Все это пережито им, и он хочет поделиться своими чувствами с читателем. В конце жизни Толстой запишет в дневнике как бы обобщающую мысль: «Музыка, как и всякое искусство, но особенно музыка, вызывает желание того, чтобы все, как можно больше людей, участвовали в испытываемом наслаждении. Ничто сильнее этого не показывает истинного значения искусства: переноситься в других, хочется чувствовать через них». И мы вместе с писателем переживаем радость

произошло что-то новое и счастливое. Он был счастлив, и ему вместе с тем было грустно. Ему решительно не о чем было плакать, но он готов был плакать». Здесь Толстой подчеркивает — в который раз! — непонятную власть музыки над человеком, против которой он однажды поднимает «бунт». Но это будет позже и свяжется с именем Бетховена.

Близко к «Войне и миру» по описанию музыкальной жизни дворян и крестьянства содержание «Анны Карениной». В музыкальных пристрастиях Левина мы узнаем автора. Со вздохом Левин говорит Кити: «Вот чего мне не хватает в деревне: музыки».

В 1876 году, когда Толстой был уже близок к завершению «Анны Карениной», произошло важное событие в его «Музыкальной биографии». Летом в Ясную Поляну приехал скрипач И. Нагорнов. Среди вещей, им сыгранных, была впервые услышанная Толстым «Крейцеров соната» Бетховена. По свидетельству сына писателя — Сергея, она тогда произвела особенно сильное впечатление на Льва Николаевича, и, возможно, уже в то время у него зародились «мысли и образы, которые впоследствии так выражены в повести».

Толстой еще не раз будет слушать эту вещь и лишь через тринадцать лет напишет повесть, которую и назовет именем этой сонаты. Думается, все долгие годы он искал сюжет, жизненную ситуацию, в которой были бы уместны и оправданы те сильные слова, что накопились у не-

Л. Н. ТОЛСТОЙ и А. М. ОЛСУФЬЕВА за рулем.

Рисунок Т. Л. ТОЛСТОЙ. 1888 г.

приобщения к высокому искусству в той степени, в которой это может сделать художественное слово.

Еще одна интересная подробность этого периода жизни писателя. Он предпринимает усилия для основания в Москве музыкального общества, которое имеет целью исполнение музыкальных произведений классиков от сонаты до нонета. Сохранился написанный его рукой проект устава.

Много музыкальных страниц в романе «Война и мир». Писатель наделил прекрасным голосом свою любимую героиню Наташу Ростову, чье пение изумило ее брата Николая, потрясло Денисова, внесло в душу князя Андрея смятение: «...в душе его

го и что он собирался сказать о музыке вообще и о бетховенской в частности.

«Они играли Крейцерову сонату Бетховена. Знаете ли вы первое престо? Знаете? — воскликнул он. — У!.. Страшная вещь эта соната. Именно эта часть. И вообще страшная вещь музыка. Что это такое? Я не понимаю. Что такое музыка? Что она делает? И зачем она делает то, что она делает? Говорят, музыка действует возвышающим душу образом — вздор, неправда! Она действует, страшно действует, я говорю про себя, но вовсе не возвышающим душу образом. Она действует ни возвышающим, ни принижающим душу образом, а раздражающим душу образом. Как вам сказать? Музыка заставляет меня забывать себя, мое истинное положение, она переносит меня в какое-то другое, не свое положение: мне под влиянием музыки кажется, что я чувствую то, чего я, собственно, не чувствую, что я понимаю то, чего не понимаю, что могу то, чего не могу... Она, музыка, сразу, непосредственно переносит меня в то душевное состояние, в котором находился тот, кто писал музыку. Я сливаюсь с ним душой и вместе с ним переношусь из одного состояния в другое, но зачем я это делаю, я не знаю. Ведь тот, кто писал хоть бы Крейцерову сонату, — Бетховен, ведь он знал, почему он находился в таком состоянии, — это состояние привело его к известным поступкам, и потому для него это состояние имело смысл, для меня же никакого. И потому музыка только раздражает...»

Однако в этом страстном порыве против власти музыки заложено и положительное при-

знание ее силы и пользы для человека:

«Эти вещи можно играть только при известных, важных, значительных обстоятельствах, и тогда, когда требуется совершить известные, соответствующие этой музыке важные поступки».

А заканчивает свой монолог герой повести Позднышев совсем уже в ином ключе:

«...Мне как будто открылись совсем новые, казалось мне, чувства, новые возможности, о которых я не знал до сих пор. Да вот как, совсем не так, как я прежде думал и жил, а вот как, как будто говорилось мне в душе. Что такое было то новое, что я узнал, я не мог себе дать отчета, но сознание этого нового состояния было очень радостно».

Позже Лев Николаевич скажет: «Я не вижу в этой сонате того, что я приписал ей в своей повести». Это освобождает ее от «роковой роли» в произведении, в которую в общем-то не очень веришь, и лишней раз подтверждает то, что Толстой здесь высказал свои выношенные мысли о музыке и «они «ушли» за края повести, как на хороших дрожжах геста».

Толстой считал, что Бетховен «внес в музыку несвойственный ей драматизм» и что этим самым «свернул ее с дороги». Но не этот ли драматизм не раз побуждал Толстого, который плакал от «Аппассионаты» Бетховена и считал ее одним из лучших сочинений композитора? Однажды Лев Николаевич сказал о Бетховене: «Я не люблю его, то есть не то, что не люблю его, но он слишком сильно захватывает этого не нужно...». Но в то время по силе страстей, по мощи выражения, по глубине переживаний Толстой как художник более близок к Бетховену, чем к какому-либо другому композитору, скажем, к Шопену, которого, кстати, с годами он любил все больше и больше. Одноименные заряды отталкиваются. Драматизм чувств Бетховена был слишком знаком писателю по его собственному каждодневному творчеству. К тому же он не умел слушать (как и писать) вполсилы. Могла ли такая музыка в период напряженной литературной работы приносить желанное полное отключение от многотрудных дум? Другое дело Шопен, или Моцарт, или Гайдн. В них было то, чего часто жаждала душа писателя, — ясные, положительные эмоции. При его большой музыкальной чуткости сочинения этих гениев приносили настоящую радость, в чем не сомневаемся. И — не стимулом к художественному творчеству, что он не раз замечал в себе. Впрочем, у него бывали периоды, когда ему особенно нужен был Бетховен, и только он. Чтобы музыка «переворачивала» душу, что, как ни тяжело, это бывает, — признавался Лев Николаевич, — люблю испытывать».

Толстой назвал музыку «высшим в мире искусством». Он как-то сказал: «Я люблю Пушкина, Гоголя, но все-таки мне ни с одним искусством не было бы так жаль расстаться, как с музыкой». Он только грустил, что произведения его любимых классиков непонятны народу. А истина была в том, что народ не знал этой музыки, как не знал и творчества самого писателя. «Толстой-художник известен ничтожному меньшинству даже в России, — писал в 1912 году В. И. Ленин. — Чтобы сделать его великие произведения действительно достоянием всех, нужна борьба и борьба против такого общественного строя, который осудил миллионы и десятки миллионов на темноту, забитость, каторжный труд и нищету, нужен социалистический переворот».

И писатель, который считал, что искусство «есть необходимое для жизни и для движения к благому отдельного человека и человечества средство общения людей, соединяющее их в одних и тех же чувствах», мечтал о том времени, когда оно станет достоянием всего народа. Мечта Толстого сбылась в наши дни, когда освобожденные Великим Октябрем народы получили доступ ко всем сокровищам мировой художественной литературы.

Геннадий ПОЖИДАЕВ

ПЕРЕДВИЖНОЙ МУЗЕЙ Л. Н. ТОЛСТОГО

Эта передвижная экспозиция создана сотрудниками Государственного музея Л. Н. Толстого. К 150-летию со дня рождения великого русского писателя она развернута в Липецке, в областном выставочном зале. Жители города знакомятся с представленными материалами впервые. Экспозиция в Липецке связана с памятью о посещениях Л. Н. Толстым этого края в 90-е годы прошлого столетия. Здесь он был в 1891—1893 годах, где оказывал помощь голодающим; последние часы жизни писателя прошли на станции

Астапово (ныне станция Лев Толстой).

Жители Липецка могут увидеть картины, портреты Л. Н. Толстого, выполненные современниками писателя и художниками наших дней. Представлены также фотографии различных периодов жизни писателя, рукописи, иллюстрации к произведениям, варианты творений, личные вещи Л. Н. Толстого (в том числе знаменитая блуза писателя, считавшаяся его женой Софьей Андреевной).

После экскурсии посетители музея могут прослушать голоса

Льва Толстого («Письмо к мальчикам Яснополянской школы» и другие записи), увековеченный на фонографе, который был подарен Льву Николаевичу в 1908 году Эдисоном.

Сотрудники музея проводят беседы о творчестве Л. Н. Толстого на стройках и промышленных предприятиях города. Дальнейший путь передвижного музея Л. Н. Толстого — в города Нальчик и Грозный, которые также связаны с жизнью и творчеством великого писателя.

ЛИПЕЦК

Наш корр.